

ОТ СМЕХА БОГОВ ДО СТРАШИЛОК

Боги смеялись. По разным причинам, исходя из различных, по нашим человеческим понятиям, метафизических оснований или целевых принципов. **Анализу специфики божественного смеха были посвящены многие исследования [См. список литературы].** В них отмечалось, что боги смеялись на Олимпе и Гималаях, в лесах и пустынях, в морях и в священных рощах, на различных уровнях небес. Их смех, улыбки и полуулыбки (т.е. непроявленный смех) имеют различную смысловую наполненность, ценностную значимость и форму выражения – от конкретно-повседневной, обыденной или празднично-декоративной и эмоционально-насыщенной до метафизической и знаково-символической. Смех богов звучит не только в отдельных, каких-либо уникальных, случаях, но и во многих типологически схожих ситуациях, сближая земное и сакральное. Богатая палитра деяний и смеха богов воплощена людьми в танцах и масках, в преданиях и легендах, в скульптуре и живописи. Улыбается маска, обозначающая, по предположениям ученых, «хозяина Вселенной», главного божества эскимосов [8, с. 108]. (Находка относится, предположительно, к III в. н. э.) [7, илл. 3]. Величаво-возвышенное выражение женской маски Бунду – главного духа тайного женского общества Санде в Сьера-Леоне, – дополняется улыбкой, символизирующей доброе начало. Вместе с тем, существует разновидность этой маски – Конде, изображающая комическую фигуру и используемая не только в обрядах тайного общества, но и для заполнения пауз между ритуалами, для увеселения собравшихся. [5, с.159, с. 322, илл. 66]. Радуются и смеются в преданиях боги шумеров и аккадцев, улыбаются синтоистские боги счастья (Япония), Шутит Ишвара (Нарояна) – верховный Бог, воплощающийся в Тримурти (Брахма, Вишну, Шива), усмехается Бог любви Кама, ликут по различным поводам другие небожители индуистского пантеона. Улыбалась, по всей вероятности, и древнеславянская Лада, Богиня любви и веселья.

Настоящая статья посвящена задаче сопоставления различных форм божественного смеха в дохристианских и христианском представлении со смехом детей, запечатленным в так называемых страшилках. Результаты такого исследования могут пролить свет на важнейшие проявления человека, связанные со смехом.

В знакомых нам с детства мифах древней Греции, в скульптуре, живописи и даже музыке запечатлены, как дополнение к божественной сущности, улыбки и смех Аполлона – символ света и радости, шаловливого Эроса – знак лукавого ожидания результатов содеянного, могучего Диониса – символизирующие мощный порыв, опьяняющий восторг пробуждения природы, освобождения. Торжествующий смех Афины, побеждающей на поле боя бога войны Ареса и приходящую ему на помощь Афродиту – символ превосходства внутренней силы и созидательной мудрости над неразумным разрушением и внешней красотой. Значимы улыбки и радость Пана и той же Афродиты, Деметры и Артемиды, других обитателей Олимпа. Об умении богов шутками и, в конечном счёте, смехом улаживать семейные конфликты упоминает Гомер в “Илиаде”. После увещаний Гефеста

“...улыбнулась Богиня, лилейнораменная Гера,
И с улыбкой от сына блистательный кубок прияла.
Он и другим небожителям, с правой страны начиная,
Сладостный нектар подносит, черпая кубком из чаши.
Смех несказанный воздвигли блаженные жители неба,
Видя как с кубком Гефест по чертогу вокруг суетится...” [3, с.16].

Таким образом, в ментальности разных народов, отражённой в культуре, божественное проявляет себя, кроме различных актов и действий, в смехе. Это касается, в

первую очередь, мифологического сознания и политеистических верований с антропоморфными божествами. В развитых религиях, прежде всего, монотеистических, но не только в них, духовная первосущность – за пределами смеха, однако, сфера сакрального не лишена красок радости и улыбок. Известны изображения улыбающегося и даже смеющегося Будды. (О последнем позже). В буддийском храме-пагоде Тай-Фуа (Северный Вьетнам) находятся скульптуры, в которых воплощены три этапа поисков истины Буддой. Одна из скульптур – сидящий, скрестив ноги, полный человек с большим животом, закрытыми глазами и блаженной улыбкой. За ней, чуть выше, расположена вторая скульптура сидящего, измождённого аскета. В руках у него маленькое зёрнышко. Сзади них – скульптурное изображение стройного, высокого юноши, с гармонично развитым телом, обнажённым торсом и прекрасным, одухотворённым, улыбчивым лицом. [9, с. 101]. Каждая фигура символизирует определённое отношение к миру и этап поисков Гаутамы. В целом же, скульптурная группа раскрывает основную нравственную идею буддизма: отвергнуты крайности – гедонизм, чувственные удовольствия и аскетизм, самоистязание, найдены «четыре благородные истины», среди них – «серединный путь», ведущий к восхождению, просветлению, нирване. Гаутама становится Буддой.

В христианстве отношение к смеху неоднозначно. Строгая избирательность по адресу смеха в церковных установках сочетается с широкой представленностью смехового элемента в народной культуре. В священных канонических текстах изредка встречаемся с ситуативным смехом, (с нейтральным или отрицательным знаком), принадлежащим земным персонажам библейской истории. Злораден, например, смех ветхозаветного Измаила. [Быт, 21, 9]. В смехе над словами Христа «...не умерла девица, но спит» [Ев. от Матфея. Гл. 9-10, 24] выразилось неверие оплакивающих её, сменившееся изумлением, когда чудо произошло. [Ев. от Марка, гл. 5-6; 40]. Тайный страх, зависть и злоба в насмешках иудейских первосвященников и книжников над Иисусом: «других спасал, а себя не может спасти». [Ев. от Марка. Гл.15, 31]. Жесток и туп смех воинов, издевавшихся над Христом. [Ев. от Марка, гл.15, 17-21].

Однако, смех имеет не только негативную сторону. Он может выражать сомнение и стыдливость (Сарра) [Быт. 18, 12-16], надежду (Авраам) [Быт. 17, 17], быть воздаянием и наградой за страдания: «...Блаженны плачущие ныне, ибо **воссмеётесь**». (Выделено мною. – *И.О.*) [Ев. от Луки, гл.6, 21]. Если в начале своих поучений Екклезиаст отрицает смех и веселье – «О смехе сказал я: "глупость!", а о веселии: "что оно делает?"» [Еккл. гл.2, 2], то в итоге наставлений он приходит к выводу о ценности радости бытия: «Если человек проживёт и много лет, то пусть веселится в продолжение всех их и пусть помнит о днях тёмных!..». «Веселись, юноша, в юности твоей, да вкушает сердце твоё радости во все дни юности твоей». [Еккл. гл.11, 8,9]. Смех, не как физиологическое явление, а как внутреннее радостное состояние, связан с духовными переживаниями людей, принявших Бога в своё сердце. Поэтому Иоанн в «Откровении» призывает: «Возрадуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу...». [Откр. Гл.19, 7]. В католических храмах представлены скульптурные изображения улыбающихся святых, ангелов. Например, Святая Анна и ангелы. (Кафедральный собор в Реймсе). Взволнованно-торжественно улыбается святая Анна на фреске Таддео Гадди «Введение Марии во храм». (Церковь Санта Кроче, Флоренция).

Разнообразны улыбки ангелов, святых, апостолов, Богородицы в христианской народной и светской культуре. Так, в апокрифах и народных сказаниях шутит, например, апостол Пётр, улыбается Богоматерь, а святой Николай радуется и смеётся, принося подарки «хорошим» детям. И очень огорчается, когда вынужден оставлять сорванцам розги. На картине Корреджо «Святая ночь» улыбается дева Мария, склонившись над младенцем Иисусом. Их озаряет лучезарный небесный свет, контрастирующий с тёмным фоном (ночь) и тёмными фигурами людей. (Дрезденская картинная галерея.) Лёгкая ирония на лице и во взгляде архангела, взвешивающего души и отталкивающего

невзрачного по сравнению с ним, чёрного дьявола, который пытается оттянуть одну из чаш с душой. (Картина Гварьенто д'Арпо, Падуа, Городской музей). Ценностно-значимые улыбки одухотворённых персонажей религиозных сюжетов встречаем и на полотнах других мастеров, в частности, Леонардо да Винчи. Любовь и нежность к Христу-ребёнку светятся в улыбках Анны и Марии на картине «Святая Анна». В «Мадонне в скалах» привлекает внимание лёгкая, тёплая полуулыбка ангела. На известной картине «Мадонна с цветком» (Мадонна Бенуа) светла трогательно-счастливая улыбка юной матери (Богородицы) с младенцем на коленях (Христом), тянущимся к цветку.

Антропоморфные боги древних верований творят и разрушают, очищают и сохраняют, упорядочивают и обновляют наш мир. Эта деятельность осуществляется мыслью, словом, волей, иногда эмоциональными усилиями (гнев, ярость и т. д.) и ...смехом. Божественный смех бывает онтологически нейтральным, но может быть причиной как единичных локальных процессов и явлений, так и всеобщих, космических. Удивительное подтверждение представлений древних египтян о творческой силе смеха приводит С. Райнах в книге «Культы, мифы, религии». На него ссылается и М. Бахтин. В одном из египетских алхимических папирусов III в. н. э., хранящихся в Лейдене, описывается сотворение мира божественным смехом: «Когда Бог смеялся, родилось семь богов, управляющих миров... Когда он разразился смехом, появился свет... Он разразился смехом во второй раз – появились воды... При седьмом взрыве смеха родилась душа» [2. с. 83]. Смех Бога в этой легенде – не просто творящее начало вселенной, но и символ радостного восприятия мира, жизнеутверждения, бытийной силы, стойкости и открытости созданного.

Смех богов и других высших сил как источник творения и разного рода изменений (правда, менее глобальных) представлен во многих культурах. В греческих мифах, например, от смеха Диониса зазеленела засохшая виноградная лоза, радуется Деметра – и плодоносит земля. В индийских преданиях улыбка Вишну выполняет вспомогательную функцию сохранения всего созданного и существующего. А хохот Шивы, (когда ему стали смешны проделки асуров), обращает в прах возведённые ими преграды и их самих. У бурят среди действующих лиц праздничной мистерии Цам добродушный старик с длинной бородой – Сагаан Убген (Белый старец). Он – покровитель долголетия и благополучия всего живого. Это синкретический образ, соединяющий в себе элементы различных доламаистских культов. [7. с. 28 илл. 43] Белый старец может исцелять шутками и смехом, с ним связаны различного рода интермедии, весёлые импровизации на бытовые темы.

В буддизме иная смысловая наполненность улыбок (и даже смеха) Просветлённых. В них – безмятежность и тайна знания, либо обещание радости будущего. В китайском монастыре Шоалинь посетителей встречает изваяние ярко раскрашенного, смеющегося Будды Майтрейи (По кит. Милэфо) – Будды радости, Будды грядущего. Его также называют «Будда с большим животом». Майтрейя, придя в мир, станет следующим, после Сиддхарты Гаутамы, Буддой. Сейчас он находится на небе Тушита (один из высших уровней небес) и воплотится, когда придёт время, когда иссякнет сила учения нынешнего Будды. Майтрейя победит зло, установит справедливость и будущий мировой порядок. С ним связана надежда на «царство Божие» на земле. Существует предание, что Майтрейя, якобы, уже посещал наш мир в виде толстого добродушного монаха. Скульптура в монастыре Шоалинь изображает «толстого монаха» с ожерельем-кольцом (наподобие чётки) в одной руке и холщовым мешком в другой. Ожерелье-кольцо символизирует колесо времени, круговорот жизни. В холщовом мешке – Великая пустота (Та Кхун), т. е. сущность всего мира, а в животе Будды исчезают все страдания и печали. Он всё видит, всё знает, приносит счастье и удачу. Живот «толстого монаха» блестит от прикосновений сотен тысяч рук людей, жаждущих избавиться от своих неудач, несчастий. Из многих ипостасей Майтрейи в Китае наиболее популярен именно образ «толстого монаха». И,

глядя на него, трудно не улыбнуться, а значит, цель достигнута: вы отвлеклись от забот, вы радуетесь! Смех Майтрейи будет сопутствовать грядущим радостным переменам.

Возвращаясь к древним верованиям, напомним, что смех богов, как и других священных персонажей языческого пантеона, является серьёзным творческим и очищающим (разрушающим) действием. И хотя в мифах встречаются лёгкие насмешки небожителей и ничем не примечательные смеховые реакции на поступки друг друга, на те или иные ситуации, их смех естественен, отличается прямотоном, непосредственностью, открытостью. Божественное остаётся божественным в эпосах, повествованиях, и к его проявлениям, в данном случае смеховым, авторы относятся серьёзно. Другое дело – пародии, бурлеск, комедии, травести, гротеск и т.д., в которых, согласно жанру, снижается образ, о высоком пишется (говорится) низким стилем или о низком – высоким. Обобщаются, иронически заостряются, отношение, поведение, внешность, черты характера персонажей. В результате появляется не торжественно-возвышенное, героическое или обыденно-внеэмоциональное описание деяний богов, а их комическое, нередко, карикатурное изображение. Но это уже человеческий смех. Смех над собственными представлениями о мире и бытии, чаще всего, отживших или отживающих; смех, уравнивающий высокое (Боги) и среднее (человек); смех, как бы снимающий несоответствие реалий повседневности с идеалом; смех как временное освобождение от общепринятых ценностей и др. Мотивы иронии, комедийного изображения олимпийцев встречаем уже в художественной литературе древней Греции. Тонкой иронией проникнута эпиграмма Феогнида:

Нет, не дало божество ничего непреложного людям,
Даже пути для того, чтоб угодить божеству. [4, с. 29]

Юмором, пародийными шутками насыщены мифологические сюжеты сочинений Эпихарма «свадьба Гебы», «Бурсис». Забавен и Дионис в комедии Аристофана «Лягушки». Комедийный характер носили, к примеру, шуточные поклонения Церере (Деметре), «разоблачения» языческих богов во время народных празднеств в средневековой Европе и встречающиеся ещё в эпоху Возрождения с её культом античности. Показательны в этом плане возникшие в новое время пародии на различные сюжеты античности. Наиболее всего досталось героической поэме «Энеида» Публия Вергилия Марона. Эней в античной мифологии – один из главных защитников Трои, легендарный основатель Рима. Активное участие в его деяниях принимает Юпитер (Зевс), Венера (Афродита) – мать героя, Юнона (Гера) и другие небожители. В XVII веке появляются: в Италии – пародия на «Энеиду» Лалли, во Франции – «Вергилий наизнанку» Скаррона. В XVIII веке Блюмауэр (Германия) создаёт иронически-комическое произведение «Приключения благочестивого героя Энея», а в России пишет «Энеиду, вывороченную наизнанку» Н. П. Осипов (1791-96), а её окончание – А. Котельницкий (изд. 1802-08г.). В Украине в конце XVIII века (1798 г.) выходит известная нам «Энеида» И. П. Котляревского. В ней комедийно представлены вымышленные и невымышленные герои римской истории отражают национальный характер, быт и обычаи украинцев. А боги, хотя и наделены сверхъестественной силой, низведены хлесткими, иногда фривольными или грубовато-простонародными эпитетами, сравнениями, описаниями до площадно-бурлескных образов обывателей.

“Но зла Юнона, суча дочка,
Розкудкудакалась, як квочка...” [6, с.3]

“Венера, не послідня шлюха,
Проворна, враг її не взяв...” [6, с.5]

“Зевес годі кружав сивуху
І оселедцем заїдав...” [6, с. 5]

В христианской культуре развенчанные языческие боги воспринимались как персонажи милых сказок (о философской, символической стороне преданий сейчас речь не идёт), либо как идолы, в связи с чем церковь определённое время ограничивала использование подобной тематики. Поэтому пародирование сюжетов легенд, героев древних верований, особенно в разного рода праздничных действиях, когда всё переворачивается наизнанку, естественно. Однако, смеховая стихия праздников, с её раскованностью и широким спектром дозволенности, как инобытие серьёзности, сдержанности, нормативных запретов, проявляла себя в Средневековье, эпоху Возрождения да и в Новое время в шутках, весёлых интермедиях, травестиях и т.д. на темы библейских рассказов, церковных проповедей, деяний святых, в пародиях на священников, монахов и монахинь. В первых сюжетах смешное достигалось, чаще всего, путём приписывания представителям горного мира конкретно-земных социальных, бытовых черт, превращая, скажем, святых в простых крестьян, ремесленников или важных персон, легко узнаваемых зрителями, и носила, в целом, развлекательный, буффонадный характер. Но в последних – содержалась достаточно острая критика церковных нравов. Интересно, что гротескная «Вечеря Киприана», широко известная в Европе XI-XII веков, несмотря на рискованное, чрезмерно вольное обращение со многими символами, священными лицами Библии, была переработана дьяконом Иоанном в стихотворную форму и разрешена ортодоксальными церковниками к исполнению на школьных праздниках во время пасхальных рекреаций. Исполнение её в иных случаях рассматривалось бы как святотатство и кощунство. [2. с. 319]. В Украине подобная смеховая «терапия» осуществлялась "мандрівними дяками", вертепным театром, проявлялась в пародийных играх, шествиях и др. В рождественских или пасхальных бурлескно-травестийных стихотворных куплетах среди разнообразных тем, в частности, – братание чёрта с Богом, пиры святых, их крестьянские навыки, "плач" монахов-пьяниц и т.д. Разумеется, основная сатирическая мишень праздничных забав в Европе традиционна – зло, тёмные силы, дьявол, черти, грешники, часто персонофицированные (но это отдельная тема).

В целом же, такие проявления праздничного смеха, как бурлескно-травестийное, ироническое или даже пародийное изображение священных персонажей сообразно с вкусами, нравами, мировоззрением людей конкретной эпохи (места и времени), означали прорыв за черту дозволенного, создание новой, пусть иллюзорной и временной реальности, в которой можно свободно выразить себя. "...Боги ведь кажутся смешными, если их соотносят с нами..." – писал Аристотель. [1, с. 73]. Наделяя представителей священного мира своими желаниями, позитивными или отрицательными чертами, слабостями, смеющиеся приближались к сакральному через десакрализацию, смеясь, в конечном счёте, над собой.

Причины, побудительные мотивы и само явление смеха, его цель и последствия (или отсутствие оных, что также есть определённое следствие), объект и субъект смеха представляют определённое единство. Феномен смеха как процесс может рассматриваться либо по его составляющим частям, либо как целостность. В обоих случаях важно содержание, выявление сущностных оснований конкретных проявлений смешного. Среди многочисленных субъектов смеха – дети. У них, по сравнению со взрослыми, живая, часто парадоксальная, игра воображения, ещё не догматизирована творческая свобода, более развита интуиция. Как и у богов, их смех естественен и открыт. Если боги творят будущее, то дети всегда – будущее человечества, и у взрослых надежды не только на божественный промысел, но и на детей, которые станут созидателями будущего. Малыши и подростки создают смешные карикатуры и весёлые скороговорки, забавные дразнилки и юмористические рассказы, анекдоты и др. Среди видов и типов комедийного творчества юных привлекает жанр «страшилок» или «ужастиков» (к нему,

кстати, присоединяются и взрослые). Страшилки, собственно, существовали давно. Запугивания проделками мистических сил, которые потом разоблачались (ведь речь идёт о комическом), либо реалистические описания трагических событий, оказавшихся сном; либо путаница с предметами, наименованиями, создающая необходимый эффект (страшно), но потом всё разъясняется и т. д. То есть в конце сюжета таких произведений – разоблачение, добро побеждает, страшное оказывается смешным. Лет 25-30 тому назад появилась и существует до сих пор другая разновидность страшилок. В двестишестидесятых или четырёхдесятых кратко, но жёстко излагаются драматические, действительно страшные события.

Например: Девочка сунула пальчик в розетку.

То, что осталось, собрали в газетку.

Или классическое: Дети в подвале играли в гестапо.

Зверски замучен сантехник Потапов.

И совсем уже современное: Мальчик в овраге нашёл пулемёт.

Больше в деревне никто не живёт.

Улыбку и смех вызывают контраст между утверждением и убеждением в невозможности его реализации, неожиданность концовки. Конечно, дети понимают: это – игра, это – «понарошку». И эксплицитные разоблачения не нужны. Вместе с тем, страшилки в гиперболической форме отражают социальные реалии. В них, возможно, интуитивное предостережение культу жестокости, насилия, безнаказанности в жизни, книгах и на экране. Как сказала Л. Костенко, «у будущего слух абсолютный». Дети всегда стремятся к добру, хотят улыбок и счастья. По предложению детей в Варшаве более тридцати лет назад был создан орден Улыбки. Позднее награда стала международной. Значок – золотое улыбающееся солнышко на украшенной цветами ленте. Его могут получить даже те, кого «взрослая» общественность не знает, но любят дети. Из известных деятелей им награждены Папа Иван Павел II, мать Тереза, шведская писательница Астрид Линдгрен и др. Среди кавалеров ордена Улыбки и украинская детская писательница Нина Бичуя.

Смех – необходимая составляющая культуры. Благодаря ему снимаются индивидуальная или социальная напряжённость, устраняется односторонность в восприятии мира, восстанавливается его целостность. В понимании и истолковании бытия и отношения к нему, выражающихся в артефактах культуры, среди разнонаправленных, эмоционально-окрашенных компонентов – радостное и грустное, смешное и серьёзное, весёлое и скучное, комическое и трагическое. Они сосуществуют, не исключая и не вытесняя, а дополняя друг друга, расцвечивая разными красками жизненное пространство.

Данная статья позволяет прийти к заключению о близости божественного смеха смеху детей. Боги смеялись. Шутили, творили мир смехом, представляя не только детство землян, но и непреходящие ценности культуры. Их смех, донесённый до нас из прошлого и пребывающий в настоящем, как и смех, улыбки детей – нашего настоящего и будущего – проводники радости, добра, символ надежд, разносторонности и достоинства человечества во все времена.

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения. – Т. 4. – М, 1983.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М, 1990.
3. Гомер. Илиада. – М, 1986.
4. Греческая эпиграмма. – М, 1960.
5. Громько А. А. Маски и скульптура тропической Африки. – М, 1984.
6. Котляревский И. П. Енеида. – К, 1990.
7. Маски народов Сибири. //Тексты и подбор иллюстраций С.В. Иванова. – Л. 1975.
8. Сергеев Д. А. Мотивы эскимосского фольклора в древнеберингоморской культуре. // Фольклор и этнография. – Л, 1970.
9. Яковлев Е. Г. Искусство и мировые религии. – М., 1977.